

УДК 93

DOI: 10.18324/2224-1833-2023-3-72-79

Комплексно-самодеятельная экспедиция по изучению тунгусского феномена как объект исторического изучения

Н.Н. Лебедева^a, Е.В. Лодкина^b, М.Р. Толпыгин^c, Д.А. Брюханова^d

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, г. Братск, Россия

^a naumova_bratsk@mail.ru, ^b elena.lodkina.1953@mail.ru, ^c zdar2000@inbox.ru, ^d tolp888gmail.com

Статья поступила 15.09.2023, принята 20.09.2023

Статья посвящена истории комплексно-самодеятельной экспедиции (КСЭ) по изучению Тунгусского феномена в начальный период ее становления. Авторами выявлены основные мотивы создания групп исследователей, входящих в состав КСЭ, исследованы методы и результаты их работы, личностные качества лидеров, обеспечивающих длительное и продуктивное существование экспедиции.

Ключевые слова: комплексно-самодеятельная экспедиция; Тунгусский феномен 1908 г., профессиональная субкультура.

A comprehensive amateur expedition to study the Tunguska phenomenon as an object of historical study

N.N. Lebedeva^a, E.V. Lodkina^b, M.R. Tolpygin^c, D.A. Bryukhanova^d

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^a naumova_bratsk@mail.ru, ^b elena.lodkina.1953@mail.ru, ^c zdar2000@inbox.ru, ^d tolp888gmail.com

Received 15.09.2023, accepted 20.09.2023

The article is devoted to the history of a complex amateur expedition (CAE) to study the Tunguska phenomenon in the initial period of its formation. The main motives for creating groups of researchers that were a part of the CAE are identified. The methods and results of their work, as well as the personal qualities of the leaders who ensured the long and productive existence of the expedition, are studied.

Key words: complex amateur expedition; Tunguska phenomenon of 1908, professional subculture.

Введение. Тунгусское явление, произошедшее ранним утром 30 июня 1908 г. в сибирской тайге, даже по прошествии 115 лет остается до конца неразгаданным, несмотря на усилия многих ученых и энтузиастов. Тунгусская катастрофа «не лезет ни в какие научные ворота» и по праву носит имена тайны века, дива и т. п. Природа и механизм этого явления, как, впрочем, и всего феномена Тунгусского метеорита в целом, остаются пока невыясненными. Природа и масштабы этого явления не представляли поражать и волновать сознание многих людей, и это породило не менее загадоч-

ный феномен — комплексную самодеятельную экспедицию (КСЭ) по изучению тунгусского феномена, существующую на протяжении 65 лет. Наряду с научными результатами экспедиции, опубликованными в научных журналах, существует широкий пласт материалов, который можно отнести к самодеятельному творчеству, созидательному интеллигентному и интеллектуальному фольклору, начиная с конца 1950-х гг. вплоть до середины 1990-х гг. [1]. Среди этих материалов несколько десятков альбомов, содержащих материалы о проведенной или подготавливаемой

экспедиции. Их в КСЭ называли «курумниками». Курумники делались для внутреннего пользования и были ориентированы на ту среду, в которой они создавались. Фактически это была форма ухода образованных людей от пропагандируемого официозом образа жизни. В результате научная литература по Тунгусской проблеме насчитывает около 500 публикаций и с десятков монографий. Но это далеко не все, что сделано. Огромные массивы информации рассеяны по личным архивам в разных городах СНГ. Предстоит решить задачу сбора всех этих знаний в единый банк данных, доступный мировому научному сообществу через Internet. Изучение этих механизмов остается актуальной проблемой и в настоящее время.

Для решения данной проблемы и была создана фактографическая коллекция цифровых материалов, включающая в себя почти сотню альбомов, около 5 тыс. описанных фотографий, сборники поэтического творчества участников КСЭ и т. д., — комплексная самостоятельная экспедиция, которая образовалась в 1959 г. и существует до сих пор.

Методология. Феномен советской интеллигенции начинает привлекать внимание отечественных исследователей в 1970-е гг. Масштаб функционирования и общественная значимость данного явления были настолько серьезны, что изучение интеллигенции происходит одновременно с ее бурным ростом и развитием. Однако в отечественной литературе советского периода общепринятой трактовкой данного термина стала социально-экономическая, что существенно сужало и обедняло тематику научного поиска. Так, по мнению А.В. Соколова, «главные отличия официального понимания советской интеллигенции от социологических трактовок дореволюционного времени заключались, во-первых, в том, что первая мыслится как совокупность профессионалов, выполняющих определенные трудовые функции, а вторая — как совокупность “разумных и образованных” людей, независимо от их профессиональной занятости; во-вторых, в акцентировании экономической специфики интеллигенции — работники не физического, а умственного труда» [2]. Таким образом, интеллигенция понималась как социальный слой работников с опре-

деленными знаниями и умениями, не имевших никаких особых творческих способностей либо этических запросов.

Лишь в период перестройки в концепции Л.Я. Смолякова при характеристике интеллигенции начинает выделяться культурно-личностная сторона жизнедеятельности интеллигенции как важная составляющая часть ее облика в целом: «В реальной жизни нет и не может быть такого явления, как “интеллигент без интеллигентности” или “неинтеллигентный интеллигент”» [3]. Категория «интеллигентность» включает в себя высокий уровень морально-этических качеств и творческих способностей, профессионального мастерства, общественной сознательности, воплощение идеи служения народу. На интеллигенцию возлагались обязанности воплощения народной совести, кристаллизации духовно-нравственных ценностей народа (в ситуации секуляризированного атеистического общества) и, что наиболее важно в контексте настоящего исследования, проектирования целей развития общества снизу.

Следует сразу же отметить, что героям настоящей статьи были свойственны все сущностные признаки подлинного интеллигента, выделяемые, в частности, В. Тепикиным: «1) передовые для своего времени нравственные идеалы, чуткость к ближнему, такт и мягкость в проявлениях; 2) активная умственная работа и непрерывное самообразование; 3) патриотизм, основанный на вере в свой народ и беззаветной, неисчерпаемой любви к малой и большой Родине; 4) творческая неутомимость всех отрядов интеллигенции (а не только художественной ее части, как многими принято считать), подвижничество; 5) независимость, стремление к свободе самовыражения и обретение в ней себя; 6) критическое отношение к действующей власти, осуждение любых проявлений несправедливости, антигуманизма, антидемократизма» [4].

Зарегулированность советской науки и жесткий идеологический диктат породил уникальное явление — альтернативные формы ее организации в СССР, являвшиеся одной из важнейших форм деятельности советской интеллигенции. Зачастую, особенно на раннем этапе существования таких объеди-

нений энтузиастов, к ним относились и относятся как к научным маргиналам и радикалам, но это в корне неверное мнение.

Появление научного знания как такового не отменило и не упразднило, не сделало бесполезными другие формы знания. Многообразные формы научного поиска, особенно прорывного, могут и должны выходить за пределы науки и критериев научного знания. Так, по мнению Л. Шестова, «по-видимому, существуют и всегда существовали ненаучные приемы отыскания истины, которые и приводили если не к самому познанию, то к его преддверию, но мы так опорочили их современными методологиями, что не смеем и думать о них серьезно» [5].

Понятие вненаучного/анормального знания, практикуемого такими общественными объединениями, как КСЭ, подразумевало принципиально новые формы миропонимания, познавательной практики, которая и сегодня отклоняется от научно-рациональной парадигмы данного исторического этапа, расходящиеся с общепринятым выбором методов и объектов исследования. Даже в случае тупиковости ряда проверявшихся научными энтузиастами идей происходит генерирование неожиданных, революционных решений и посылов научного поиска, в которых всегда остро нуждаются как интеллектуальная элита, так и общество.

История формирования КСЭ. Начальный период 1958–1968 гг. Временные рамки для анализа процесса формирования взяты по причине того, что именно этот период определил те традиции и особенности межличного общения участников самодеятельной экспедиции. Изучением проблемы Тунгусского феномена занимались такие выдающиеся ученые, как Л.А. Кулик, открывший и исследовавший район катастрофы в тяжелые годы разрухи и погибший в немецком плену; К.П. Флоренский — начальник первых послевоенных экспедиций «на метеорит», до конца жизни сохранивший религию своего отца Павла Флоренского; академик В.Г. Фесенков, развивавший кометную гипотезу; инженер Роберт Брувер, собравший и обработавший пробы грунта на ненаселенном Патомском нагорье (что и разрушило надежды на поиски вещества в почве) и погибший, спасая людей, тонущих в ледяной воде; академики С.П. Королев

и Б.В. Курчатов, погибшие по халатности окружающих; Л.В. Кириченко — специалист по радиоактивным осадкам ядерных взрывов, погибшая от лучевого рака; геолог Б.И. Вронский — первооткрыватель золота и угля на Колыме; астроном и педагог Ф.Ю. Зигель — популяризатор науки и уфолог, автор нескольких книг; учитель физики В.Г. Коненкин, в одиночку собравший сенсационные показания очевидцев по Нижней Тунгуске и погибший при невыясненных обстоятельствах; педагог В.И. Кириченко — научный руководитель астролаборатории КЮТа в новосибирском Академгородке, организатор полевых наблюдений прозрачности атмосферы в районе Тунгусского взрыва, буквально сгоревший на работе от перегрузок и недосыпания (в память о нем в районе взрыва есть гора Астрокют, где каждый сезон разворачивалась полевая астролаборатория); А.В. Золотов, посвятивший свою жизнь ядерной гипотезе и зарезанный шпаной в подъезде собственного дома; болотовед Ю.А. Львов — педагог и поэт, автор метода поиска и датировки загрязнений (вещества ТКТ) в торфяниках; астрофизик Кронид Любарский — диссидент, сподвижник академика Сахарова. Всех не перечислить, все отдали жизнь поискам и утверждению истины, и почти все умерли не своей смертью. Фундаментальной и достаточно популярной монографией на тунгусскую тему является книга В.К. Журавлева и Ф.Ю. Зигеля «Тунгусское диво», изданная в 1994 г. Книга стала библиографической редкостью, даже не попав в свободную продажу.

Рис. 1. Памятная доска на месте изб Кулика

Постарение ядра КСЭ. Образование группы КСЭ, через которую прошло около полутора тысяч человек из разных российских городов, стало новым витком истории исследования Тунгусского метеорита. Работа КСЭ — это сбор полевых данных из района ката-

строфы, их обработка, интерпретация. Первая экспедиция состоялась в 1959 г. Лидерами «космодранцев», как они в шутку себя именовали, стали заслуженный деятель науки Геннадий Федорович Плеханов, академик медицины Николай Владимирович Васильев, болотовед ТГУ Юрий Александрович Львов, математик Вильгельм Генрихович Фаст, д-р техн. наук Владимир Воробьев, Борис Бидюков, Виктор Журавлев, Валерий Попе и ряд других ученых.

Вспоминает Виктор Черников, поэт, бард и один из постоянных членов КСЭ, начиная с 1958 г.: «Остался еще на Земле уголок от шумных дорог вдалеке. Наверное, все, что на сердце сберег, я отдал тунгусской тайге», — признался он однажды в своем сборнике стихов [5].

КСЭ была создана по инициативе Геннадия Плеханова как научно-исследовательский институт на общественных началах, где интересные версии любого ученого, независимо от его научной степени, обсуждали, брали на вооружение и проводили исследования.

Вильгельм Фаст обработал огромный массив статистики вывала леса — первый в мире ученый, защитивший докторскую диссертацию по теме тунгусской катастрофы. Это далеко не единственный случай в истории тунгусской темы, когда она кардинально повлияла на жизнь участников экспедиции.

Самодельная экспедиция существовала за свой счет, где-то в ущерб масштабу исследований и карману их участников, но зато без всякой зависимости от руководства — отсюда и появилось слово «космодранцы». Настоящих корифеев от науки насчитывались единицы. Ведь основной деятельностью был сбор проб и масса грубой физической работы по выживанию в таежных условиях, а не создание новых гипотез причин катастрофы. Кто-то приезжал на тунгуску дикарями — студенты, инженеры и просто люди, интересующиеся этой проблемой.

В начале 1960-х гг. огромную популярность получила фантастическая версия об упавшем марсианском космическом корабле, поэтому инициатором первой экспедиции стал Сергей Королев, который предоставил участникам вертолет до села Ванавары. В экспедицию вместе с учеными отправился космонавт Георгий Гречко. «Он приехал в тайгу НЛО изучать в се-

редине XX века. На челе Жоры Гречко лежала печать выдающегося человека. Мы по вывалу топали день и другой, утопали в тунгусском болоте. А потом он меня прокатил над тайгой в персональном своем вертолете», — написал участник КСЭ Геннадий Карпунин. Корабля никакого, конечно, не нашли, зато Георгий Гречко, по собственному признанию, стал «космодранцем» на всю жизнь. В их числе было много удивительных и выдающихся людей. Например, одним из руководителей экспедиций в течение нескольких лет был геолог Кирилл Флоренский, сын знаменитого философа-богослова.

Одна из заслуг КСЭ — признание района тунгусской катастрофы заповедником. Этого добился от местных властей академик Николай Васильев. Знаменитой заимке Кулика (изба, в которой жили первые исследователи Тунгусского метеорита).

Для многих участников экспедиций возможность прикоснуться к тайне Тунгусского метеорита сама по себе представляла огромный интерес безотносительно результатов исследования. Это не значит, что их не было — из каждой экспедиции привозили тысячи проб земли, готовых анализов и новых предположений. Просто, как и при изучении любого глобального явления, чем больше мы узнаем о нем, тем меньше уверенность во всех предыдущих теориях и предположениях. Кроме того, ощущение космической тайны, девственная тайга с озерами и водопадами очень сильно действовали на умы кабинетных ученых. Первый отчет Леонида Кулика, несмотря на термин «интерференция», несколько не уступал поэтическому жанру: «Я силы все напряг и снова вышел к югу: лежащая щетина бурелома завернула тоже к югу. Сомнений не было: я центр падения обошел вокруг! Струю огненную из раскаленных газов метеорит ударил в котловину, и, как струя воды, ударившись о плоскую поверхность, рассеивает брызги, так точно и струя из раскаленных газов с роем тел вонзилась в землю и произвела всю эту мощную картину разрушения. И по законам физики (интерференция волн) должно то место быть, где лес остался на корню, лишь потеряв кору, листву и ветви» [7].

В КСЭ были свои традиции, свои неписанные законы. Одна из этих традиций — общий сбор. Обычно он проходил 1–2 мая в тайге под Томском и 7–8 ноября в городе. В мае обсужда-

ется программа на летний сезон, осенью подводятся итоги полевых работ, намечается тематика научных статей. За деловой частью следовала «неофициальная часть». Непременным атрибутом каждого сбора являлся «Курьумник» — рукописный журнал, издаваемый в количестве одного экземпляра. Здесь и проза, и стихи, и тексты песен, и рисунки, и фотографии. Все это с юмором, шутками по поводу ситуации, складывающейся вокруг очередной экспедиции в район Тунгусской катастрофы. Есть песни грустные, лирические, есть шуточные, иронические. Авторы произведений — члены КСЭ, обладающие (а то и вовсе не обладающие) поэтическим даром.

Неудивительно, что вокруг тунгусской темы образовалась целая культура — туристы, поэты, барды. А сами экспедиции, как и цель их изучения, превратились в самодостаточное культурно-историческое явление, достойное отдельного повествования. Основоположниками «космодранческого» фольклора стали математик и поэт Дмитрий Демин, редактор журнала «Сибирские огни» Геннадий Карпунин, Виктор Черников и ученый-композитор Владимир Воробьев, которые выпустили поэтический сборник песен «космодранцев» под названием «Синильга». Уже в первых экспедициях был подмечен странный космофизический феномен: как только человек попадал в район взрыва Тунгусского метеорита, он начинал писать стихи и сносно играть на гитаре. Из дневника Валерия Папе за 1960 г. «Замечательные люди. Здесь все романтики и остроумные, веселые ребята. Отношения людей — коммунистические. Остроумие — до предела. Вечером много песен, вечер лирической песни всех времен. Затем наизусть поэмы из студенческой жизни. Жаркий спор — кричат временами все одновременно — о развитии цивилизации лет через 300 и столкновении, контакте цивилизаций» [8, с. 17]. Из воспоминаний Алены Бояркиной о членах первой экспедиции, ставших впоследствии ее главными идеологами и руководителями.

Дмитрий Демин — романтик, поэт, жизнелюб, ученый очень значительного масштаба. И просто хороший друг и товарищ. О нем еще напишут многие, кому повезло с ним жить, учиться, работать. Повезло и мне в радости общения с ним немалый срок — 30 лет. В

1959 г. после экспедиции на место падения Тунгусского метеорита Дима Демин уехал в Новосибирск, где жила его мама, и устроился работать в должности старшего инженера в один из очень секретных НИИ. Через год по его рекомендации в этом заведении в роли младшего и подчиненного непосредственно ему инженера оказалась и я. Работать с Димой было очень интересно. Он был весь переполнен идеями — одна лучше другой. С некоторым даже изяществом он дарил их всем желающим, не заботясь о славе и конечных результатах. Рабочего дня не хватало. Задерживались на работе допоздна. В КСЭ, полвека назад отважно пустившейся в бесконечное плавание в погоне за эфемерной мечтой по имени Тунгусский метеорит, были три Поэта. Точнее, их было больше. Еще точнее: поэтом становился каждый, кто попадал в эту волшебную круговерть космопоиска... Но этих, связанных общей любовью к тайге... Душой сообщества был Дмитрий Демин, радиофизик из Томска, способный превратить будни похода в сюжет поэмы, любого участника — в героя саги и привал возле костра — в пир остроумия. Остальные двое признавали его первенство и называли Учителем. Вторым был Геннадий Карпунин. Он со временем стал известным в стране профессиональным литератором. По воспоминаниям А.П. Бояркиной, день рождения в тунгусскую жизнь Васильева Николая Владимировича случился зимой 1957–1958 гг., когда Николай впервые услышал о том, что где-то в далекой тунгусской тайге потерпел катастрофу космический корабль. И, после некоторого осмысления предстоящего, решительно вступил в нее. Весной 1958 г. и я попала в поле притяжения ТМ. Мы ходили в походы, что-то обсуждали, собирались на бетатроне у Плеханова. На все это я смотрела как-то со стороны, словно сидя в зале кинотеатра. Но однажды я шла по университету, и навстречу мне, радостно улыбаясь, кинулся долговязый парень. Я видела его на одной из этих встреч, запомнила, но уж никак не думала, что кто-то там запомнил меня. Николай стал говорить, что, роясь в газетах 1908 г., он нашел сведения об интересующем нас предмете, и стал мне их пересказывать. И тут я поняла, что я не зритель, а уже участник чего-то очень таинственного и волнующего.

Рис. 2. Участники первой комплексно-самодельной экспедиции (КСЭ-1) в 1959 г.: 1. Плеханов Геннадий Федорович — инженер, биолог, руководитель экспедиции; 2. Васильев Николай Владимирович — ассистент, микробиолог; 3. Краснов Виктор Павлович — лаборант-электрик; 4. Колобкова Галина Павловна — выпускница университета, географ; 5. Демин Дмитрий Валентинович — выпускник-радиофизик; 6. Шикалов Леонид Федорович — выпускник-электромеханик; 7. Журавлев Виктор Константинович — аспирант-радиофизик; 8. Журавлева Руфина Константиновна — студентка-метеоролог; 9. Кувшинников Валерий Михайлович — конструктор; 10. Кандыба Юрий Лукич — студент-металлург; 11. Магушевский Владимир Валентинович — студент-радиофизик; 12. Ероховец Александр Степанович — журналист красноярского радио

В 1959 г. — Николай Васильев участник первой экспедиции на место падения ТМ. Первопроходцам всегда нелегко. А тут еще и первое суровое испытание полевой жизнью в условиях дикой эвенкийской тайги. В 1960 г. Васильев уже берется за самостоятельное дело. Он возглавляет отряд из 3-х человек (Алла Ерошкина, Анатолий Ошаров и Геннадий Трухачев) и отправляется на поиски вывала в бассейне р. Кеть, описанного П. Дравертом и предположительно имеющего отношение к ТМ. Путешествие это было не простым — только пешком по суровой сибирской тайге 300 км. Обследован вывал, который был отнесен в разряд ветровалов в зоне пожара. Но, благодаря опросам населения, было обнаружено в 26 км от пос. Усть-Озерное подозрительное образование, получившее название «Богатырская яма». Там же, на ее валу, созрел замысел следующей экспедиции для детального обследования и окончательных выводов о ее природе. Он быстрее всех его близких

друзей поднимался по лестнице научной карьеры: в 1953 г. окончил Томский медицинский институт, в 1968 г. защитил докторскую диссертацию, в 1970 г. стал профессором, в 1976 г. — заведующим кафедрой микробиологии родного института. В 1978 г. Васильев — член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, в 1980 г. — академик. Он сумел совместить напряженный научный труд, подготовку публикаций (более 200), руководство диссертациями учеников, организаторскую работу в научно-координационном совете медицинской академии с еще одним видом общественной деятельности — руководством коллективом добровольных исследователей проблемы Тунгусского метеорита. Ядро этого необычного «невидимого колледжа» находилось в Томске, но его сотрудники жили и работали в самых разных городах великого Советского Союза (Томске, Новосибирске, Красноярске, Омске, Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Минске, Усть-Каменогорске, Ашхабаде...). В свободное от основной работы время (которого у научного работника на самом деле не бывает) десятки специалистов — математиков, биологов, физиков, химиков, спектроскопистов, геологов, экологов — по зову души безвозмездно трудились над фрагментами небывалой для науки задачи — расшифровки следов Тунгусской катастрофы, которая сначала представлялась просто падением очень большого метеорита. Необычная проблема потребовала и необычных методов ее научного изучения. Требовалось охватить разными видами геохимического, экологического, геофизического мониторинга огромную территорию, сравнить район катастрофы с районами, которые могли считаться фоном, организовать комплексные исследования, создать методы обобщения полученных разнородных данных. И все это — при ничтожном финансировании, практически, без денег! Потому что существовала как объективная реальность еще одна трудность — фатальная недооценка произошедшего космического катаклизма лидерами академической и прикладной науки. Грандиозность и «неподъемность» этой объективно возникшей проблемы, отталкивавшая от нее большинство талантливых и заслуженных ученых, вызвала в среде научной интеллигенции нашей страны и противоположную

реакцию. Возник коллектив добровольцев, который начал решать нерешаемую проблему. Лидерами этого коллектива стали два друга — Геннадий Плеханов и Николай Васильев. Как ученые и как личности, это очень разные люди, но их противоположные качества счастливо дополняли друг друга. Для руководства КСЭ мало было иметь широчайшую научную эрудицию, понимание тенденций развития естествознания и чуткость к процессам у горизонта науки. Только люди высоких моральных качеств, коллективистского сознания и удивительного человеческого обаяния, как оказалось, смогли выдержать естественный отбор на роль такого лидера. Николай Васильев как лидер комплексной самодеятельной экспедиции и его ближайшие соратники, бывшие, естественно, и его лучшими друзьями, не возвышались над остальными участниками этой научно-социальной коммуны — они были вместе с ними, одними из них — и в то же время были ведущими, впередсмотрящими, штурманами и капитанами. *«Тунгусский вестник» № 14, 2001 г.*

Заключение. Так что ж это, в конце концов, за нестандартная научно-общественная организация, где личное сочетается с общественным, общественное — с производственным, да и чисто производственное находится далеко не в загоне? Сами создатели «космодранческой» литературы склонны объяснять ее природу, если не мистическими причинами, то известным эзотеризмом Тунгусской тайги: «Откуда взялись эти стихи? Мы этого не знаем. Может быть, они жили здесь, в лесу, всегда и, услышав голоса, выходили на тропу, как маленькие дети, садились нам на плечи, обнимали мохнатой лапкой за шею и что-то горячо шептали на ухо. А может быть, стихи составляли содержимое контейнеров звездолета, погибшего над Тунгусской тайгой, и тонкой кристаллической пылью распространились на просторах Евразии» [8].

Литература

1. Фазлиев А.З., О.. Родимова, Сапожникова В.А. Электронная коллекция документов по проблеме Тунгусского феномена, В кн: Феномен Тунгуски: на перекрестке идей. Второе столетие изучения Тунгусского События 1908 г., Новосибирск: ООО "Сити-пресс Бизнес". 2012. 306 с.

Достоверно одно: без мифологии, без устного поэтического предания, только на одной научной идее (хотя она заразительна и сама по себе) сообщество людей, именуемое КСЭ, не смогло бы существовать и развиваться. Как ни странно, в СССР, а тем более в постсоветской России нет ни одной научной организации, которая планомерно и методично изучала бы Тунгусскую проблему. Такая организация технически невозможна из-за сверхсложности, комплексности объекта. Здесь необходимо объединить усилия специалистов едва ли не всех известных наук: астрономов, математиков, физиков (взрывников, ядерщиков, гидро- и аэродинамиков...), химиков (геохимиков, астрохимиков, аналитиков...), геологов, геофизиков, сейсмологов, географов, метеорологов, биологов (лесоведов, генетиков, ботаников, зоологов, почвоведов, болотоведов...), медиков, социологов, историков, этнографов и т. д. ... Как бы какую науку не обидеть?

Организация, способная объединить усилия столь разных специалистов, возникла в Томске в 1958 г. и стала называть себя Комплексной Самодеятельной Экспедицией (КСЭ). КСЭ послужила ядром, вокруг которого возник **невидимый институт**, объединивший десятки научных лабораторий в СССР и за рубежом. В этом странном институте не было ни зарплаты, ни обязанностей, ни чиновничества... Было одно — желание найти разгадку Тунгусской проблемы. Люди ехали в экспедицию и работали за свой счет, в свое личное или отпускное время, а это гарантия того, что работа выполнялась качественно — иначе зачем тратить время и деньги?!

КСЭ породила свою особую субкультуру, отличающуюся иронически-реалистическим стилем. Поэмы, песни, оратории, гимны, ироническая проза, легенды, традиции, ритуалы — все было направлено на развитие и поддержание демократической, творческой атмосферы высшей пробы.

2. Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009. С. 31.
3. Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция. Киев, 1986. С. 150.
4. Тепикин В.В. Культура и интеллигенция. Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. С.80.
5. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. М., 2011. С.44.

6. Черников В.М. Давно сожжены переправы. Стихи – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» Новосибирского отделения Союза писателей России, 2011. 421 с.
7. Кулик Л.А. Метеоритная экспедиция на Подкаменную Тунгусску в 1939 г. // ДАН СССР, 1940. Т. 23, № 7. С. 597–601.
8. Озвучить имя. Избранный сихотворно-песенный фольклор КСЭ. Юмор, лирика, драма.- 265 с.